

Летом мне посчастливилось совершить путешествие в Алушту и присутствовать на ежегодных Шмелёвских чтениях.

Встреча в июле была неполной, ограниченной полдневной прогулкой по тенистому и знаменитому Профессорскому углу, с восхождением сквозь кипарисовую рощицу в мемориальный скромный домик на склоне крутой горы. Лик её обращён к синему морю. Лес на обглаженных каменных кручах шепчет, а то и шумит колокольчиками орешков.

Оказалось, что подлинный дом, купленный Шмелёвыми во дни варваров, много выше.

Здесь он жил, чудом остался жив по причине узнавшего его голос комиссара и взявшего на себя риск прикрытия народного писателя. Отсюда, с порога ещё незнакомого мне дома, проводил Иван Сергеевич своего единственного сына Серёжу на регистрацию.

Я глядел на серые пригорки, незнакомые сакли и дома. Сколько ты пережил, Крым?! Скольких ты видел и обогрел? И грезились мне где-то древние развалины замка, царство Феодоро, не сломленная красавица царица перед братом Ираклием, последний её бой, ставший местной легендой. Виднелись сквозь серебряный туман пасмурного утра татарские сакли, увитые плющом и виноградом. Вот и

белые стены с плоскими от времён кровлями, рябиновыми пятнышками прислонены к холму, сходящему с другими в полуо подошву Чатыр-Дага. В кустарниковых оврагах ручьи, и видны густые сады в яминах, на взгорьях сосновые проборы отливают тёмной медью стволов.

Место всё окружено неприступным амфитеатром скал, уходящих к морю отрогами Яйл и Чатыр-Дага, вершины которых господствуют над пологой долиной.

У рынка и крымский татарин, торгующий гранатовым соком и вином, и проворный армянин у лотка с виноградом, орехами, овощами, и добрый старик, совсем седой и загоревший ликом, хвалится разными сортами инжира. И русская старуха в долгополой шляпе поглаживает фрукты, смотрит с тоской на свои янтарные персики. Вот караим с пейсами юркнул в банк, идут греки, ах, светлая красавица алуштянка у прилавка с рахат-лукумом...

И вот смотрю уже на обкатанные, нахоженные дорожки, тропки, фасады санаториев, уютных дач, пансионатов, гостиниц. И. С. Шмелёв таинственно... со мной: «Вы, говорю ему здесь, пережили, восхищение местом, но и надежда и вера Ваши на отдых обернулась страданием, спасением в горах во время смуты. Когда в

1922 году Шмелёв вернулся сгорбленным, потерявшим себя, измученным стариком в Москву, его ещё долго не узнавали знакомые. По этим кореньям, тропам ступали Ваши стопы. Здесь Ваш дух возрастал, Вы были здесь единственным русским писателем, кто не озлобился. Вы искали защиту у Бога, бродили у балок и в снег, и в дождь, и в жаркие сухие дни. Здесь встречались с академиком Бекетовым, дружили с его семьёй, общались с Сергеевым – Ценским. И здесь, именно в этом дивном, древнем и цветущем разноцветье, плодоносном, любимом русскими крае, Вам выпал горький жребий увидеть и пережить личное, народное горе.»

Шмелёвы прожили у Алушты на Орлиной горе, у оливковых рощ, среди медно-золотых свидетельниц, корявых крымских сосен и мохнатых кипарисов долгих четыре года.

Приехал.

Сквозь время звучит старинный русский романс, мы окунаемся в стародавнее милое время уходящего «серебряного века» русской классики. И вот я оглядываю зал, где собрались приезжие узнаваемые люди, вижу скромность присутствующих, объединенных одной волей — почтить его светлую память. И на душе очень хорошо, уютно и тепло. Сбылось. Сбылись мои мечтания. Начались чтения. После все встретились у дуба на символический чай, душевно заваренный, с травками. Ознаменовали трапезу молитвой. Милые беседы, воспоминания. Внизу море и густо-зелёный можжевельник.

На следующий день открытие. На украшенной трибуне

В. А. Москвин и министр культуры Крыма А. В. Новосельская, священник от митрополии, видные архивариусы, учёные. Звучат благодарные речи. Чтец-актёр выступает пламенно со строками писателя, в зале оживление, приветствия.

С обеда начались чтения. Выступает профессор В. А. Кошелев из Великого Новгорода, который с самого начала принимает деятельное участие в просвещении Шмелёвым. Собор идёт. На стенах картины с крымскими пейзажами, за окном бархатный сезон, лето Господне. Выступают один за другим с интересными и познавательными докладами русские учёные, изучающие и любящие Шмелёва не ради наград, а во Имя восторжествования правды и истины. Я всё пишу, хватаю, питаю свою душу благодетельными речами о характерах героев в повестях Шмелёва.

Многого Россия не знает о своих радателях, и многое ей предстоит узнать, пройти, понять, пережить, переоценить, чтобы воскресло в умах русское житие и возродилась у большинства наша настоящая Православная вера.

А вот докладчик рассказывает и о главном труде жизни Шмелёва, о его «Солнце мёртвых», написанном в Грассе. Мы сопереживаем и оживают с речью докладчика и профессор, и стареющий доктор, и павлин, и мы видим, уже воображаем всё происшедшее тогда здесь, на этих горах.

Вечером поют задушевные романсы известные певцы. И мы восхищены красивыми парами исполнителей, настоящими русскими романсами. Счастье присутствовать на этом русском празднике. Задушевно и насыще-

на русской молитвой, пейзажами, наполнена родными чувствами мелодичная песня. Уже под вечер я, удовлетворённый и счастливый, спускался к морю, ходил, замороженный услышанным и увиденным, по прибрежным камушкам, под дуновение тёплого, ласкового ветерка, смотрел на огни плывущего теплохода. Вспоминал шмелёвскую Алушту, Алустон, думал о невозвратном ушедшем, о настоящем, о будущем Крыма. Вспоминал Пушкина; мог ли он хоть отдалённо предполагать, что ждёт в веке будущем его русский народ. Поминал святую Царскую Семью, великих княжон, цесаревича Алексея, как они частенько приставали на своём «Штандарте» к берегам Таврии. Вспоминал Бунина, его «Окаянные дни». Я печаловался и тихо грустил по померкнувшему родному миру моих дедов казаков, по дворянской России. Выделял устоявшееся, не сбившееся с Православного пути русское купечество, понимал его более традиционную веру и осознание своей ответственности о работниках, о его корневой, не сломленной ветрами, культурной жизни. Ведь именно купеческие уклады ярко отобразил нам, своим последователям, в своём наследии незабвенный Шмелёв. Патриархальные устои в купеческом сословии сохранялись до самых последних дней переворота.

На что покусился ты, русский человек? Как ты допустил врагов в дом, в свой Кремль, в свои сады, в свои материнские перси, в своя святая святых? Но сим и победим.

В уютном домике музей писателя. Ранее он принадлежал семье Бекетова. На стенах картины Сапожникова, соседа Шмелёвых. Под ними семейный альбом

Шмелёвых. Он студент второго курса юрфака МГУ. В то время писатель ещё колеблется в выборе политического стана. Женится. Супруга уже носила под сердцем Серёженьку, они едут в 1895 году через Троице-Сергееву лавру, где Иван Шмелёв получает благословение иеромонаха Варнавы Гефсиманского; святой узрел в молодом писателе дар, пророчил: «Превознесёшься своим талантом». Вид белых стен монастыря, проникновенные службы, общение с молитвенниками открывают веру отцов в чувственном сердце Шмелёва.

Осенью 1918 года уже перед штурмом Перекопа он даёт рассказ «Люди крови Вологодской» и описывает наступление большевиков: «вошли дикие башкиры Пугачёвского войска. На глаз хохлы... в фуражках... бесшабашные лица... все они в полушубках. У них главное — где вина найти, у кого что-то стащить». Он объединяет русское собрание людей не праздных, а работающих по темам дарованных Шмелёвым. Он среди нас...

— Вот мы у кого можем учиться.

Шмелёву больше удаются старики и дети.

Слушал я выступающих, и всё очевиднее вырисовывался уже объективный, осязаемый «обществом», а не моим читательским воображением многогранный, многослойный облик и художественный, завещанный опыт писателя. И уже казалось, что он единственный из всех взошёл на вершину русской горы и устоял маяком на ней.

И вырисовывались заметки для местной библиотеки: что чтение книг Шмелёва, его сердечные, «невыдуманные» диалоги отличаются от бездушных, наработанных

страниц современных авторов. Они контрастны. Большинство закрывают глаза на страдающую Россиюшку, перетекающую из столетия в столетие, окрепшую в своей традиции, что явно и преданно являет нам Шмелёв с живых листов своих рассказов, повестей, романов. Он наш проводник, он наш чуткий хранитель, верный отечеству художник, проторивший выверенную веками, укладом боярской, купеческой Москвы, устами героев их чувствованиями, жизнью, дорогу к дому. Шмелёв проторил нашему русскому народу пути к самим себе, к своим истокам, к своей ненадуманной, многоликой народной и государственной жизни под сенью Православной монархии. Как мы по-доброму грустим, слушая друг друга, перечитывая трогательные речи Горкина, маленького Ванечки, мы с придыханием следим и катимся уже на их тележке вместе с ними через Мытищинский источник, и сквозь время, слушая поверья, по пути Богомольцев к Троице. Ступаем по боровому Подмоскovie, вкушая земляничку, которой и сейчас леса Мещерские, Радонежские в июле богаты. Приходим в Хотьково, где под спудом спят родители молитвенника за Русь, освященная двоица — преподобные Кирилл и Мария. Они вымолят и о нас, и наши слабые, порою исходящие по потребе дня или хвори молитовки у Сына своего, умилоствят.

Неспроста звучит: Шмелёв истинно русский поэт. Он и наши сердца воспроизводит в своих героях и персонажах. Ведь по сути ничего не изменилось, сердце народное русское чуткое, оно словно родная земля, что раньше из года в год весною нарождается,

всходит травка-муравка, где пшеница, рожь, цветастая луговая. Всё помнит, пронизана она тонкими и многими корешками, нитями земными. И душа, словно земля жива закономерной памятью, что посеешь, примешь в неё с любовью, то и взойдёт! И поэтому нам так близки произведения «Богомолье», вот и это, о Рождестве, в «Лето Господне»: «Ты хочешь, милый мальчик, чтобы я рассказал тебе про наше Рождество. Ну, что же... Не поймёшь чего, подскажет сердце. Как будто я такой, как ты. Снежок ты знаешь? Здесь он — редко, выпадет — и стаял. А у нас повалит, — свету, бывало, не видать, дня на три! Всё завалит. На улицах — сугробы, всё бело. На крышах, на заборах, на фонарях — вот сколько снегу! С крыш свисает. Висит — и рухнет мягко, как мука. Ну, за ворот засыплет. Дворники сгребают кучи, свозят. А не сгребай — увязнешь. Тихо у нас зимой и глухо. Несутся санки, а не слышно. Только в мороз визжат полозья. Зато весной услышишь первые колёса... — вот радость!..»

В четыре дня началось открытие историко-документальной выставки «Я возвращаю себе Россию», по материалам парижского архива И. С. Шмелёва, докладывал В. А. Москвин — директор Дома русского зарубежья им. А. Солженицына из Москвы. Целый пласт невиданных ранее документов, фотографий о судьбе писателя, о его жизни за рубежом обогащал знания присутствующих и открывал огромный мир Шмелёва — писателя, патриота России.

Вечером собранию пели русские романсы и песни Пётр Захаров из «Петербуржконцерта» и Лидия Долматова-Захарова. Воздух преображается, и жизнь становится

на миг совсем другой, и думаешь, как же хорошо, что ты вновь в старом времени среди русских дорогих и родных людей. Следующим днём содержательным оказался доклад профессора С. М. Пинаева из Москвы: «Маленький человек» в русской прозе рубежа 19-20 веков в творчестве: А. П. Чехова, Л. Н. Андреева, И. С. Шмелёва».

Прекрасными штрихами к портрету И. С. Шмелёва, по воспоминаниям племянника Ива Жантийома-Кутырина, с комментариями по письмам к нему Шмелёва, порадовала московский доктор ист. наук Е. П. Серапионова.

В «Вечном завете» Шмелёва мы услышали о нескончаемой воле и наследии писателя, выраженных его художественным миром, которые для русского сердца будут всегда актуальны, свежи и насущны. Доклад профессора З. С. Бочаровой освятил гуманитарную миссию писателя.

Некоторая часть чтений обогатилась эпистолярным наследием писателя, его крымскими воспоминаниями в переписке с О. Бредиус-Субботиной, о чём поведала учёный В. Д. Наривская, прибывшая чуть ли не из под обстрела из Днепропетровска.

Прозвучал религиозно-философский доклад, обозначающий православно-просветительские аспекты в поэме И.С. Шмелёва «Солнце мёртвых» писателя Ал. А. Бердникова из Канады, и мы слушали работу С. И. Передереевой о И. С. Шмелёве в ареале зарубежного православия, на основе Станфордского университетского архива.

Поражаюсь, сколько тем и академических возможностей для приумножения работ о русской литературе оставил Российским учёным Шмелёв.

Мне очень понравились свидетельства дружбы И. С. Шмелёва и К. Бальмонта, а вечерний превосходный концерт на эту тему: «Я брата братом назову» освещающий дружбу поэтов в эмиграции, овеянный стихами Бальмонта и посвященными Шмелёву, звучали искренно, тепло, по-родному, с видимой нежностью взаимных чувств и грусти по далёкой Родине.

А литературно-музыкальная композиция рассказа «Княгиня», написанная в честь друга Бальмонта и так задушевно открывшая нам ласковый прекрасный мир русской аристократии, прочитанная актрисой Людмилой Иванищенко, воскресили в душах усадебную Россию.

Звучали романсы на стихи Шмелёва, — он при жизни, несмотря на просьбы Бальмонта положить их на музыку известным в Париже музыкантом, скромничал, отказывался. Но Петербургский композитор А. Н. Захаров увековечил, сделал что надо и подарил нам в своём вокальном цикле: «Брат — поэт — брату — писателю».

На чтениях было озвучено пожелание изучать творчество И. С. Шмелёва в школах. Примечательно прозвучало в докладе Московского экскурсовода именно сильную тягу гостей столицы и москвичей в изучении троп Замошворечья и всего, с чем связан Московский период жизни писателя. Обозначены проблемы музеев, маршрутов, справочников и автобиографических книг, чего абсолютно не хватает; этого попросту нет. Как будто Шмелёв не родной писатель.

Но это временное явление, мечта Шмелёва осуществилась,

прах его в 2000 году благополучно возвращен в Донской монастырь, упокоен рядом с отцом в стенах родного города. И теперь ничего не мешает России славить писателя и просвещать поколения во всех, абсолютно всевозможных местах, центрах, со всех трибун в культурной жизни страны.

— И увидел я мир по-другому, Шмелёвскими, грустными глазами. И Россия мне теперь уже более пронизана духом Шмелёва.

Однажды поплыл я взволнованным морем от берега метрах в ста, в сторону дома музея, параллельно берегу. Хотел его увидеть будто с корабля, с моря эти горы, где он бродил в те годы, голубенький низкий музей в сосновом леске. Плыл, плыл, вижу краешек крыши, белеет карниз, как будто рослый кедр, что-то похожее. И вдруг мне подумалось: есть Шмелёв, он своим счастливым возвратом домой изменил координаты современной писательской Крымской карты. И Волошинский Коктебель, в советское время бывший для писателей центром, культурной Ривьерой, местом творческих встреч, ныне меркнет. Мне показалось — учёные живут самим Шмелёвым, они были не озабочены своим учёным ростом, а именно с любовью и тщанием они относятся к Шмелёву, словно к любимому школьному учителю или к родному отцу. Докладчики проявляют искренние, сердечные чувства и душевные качества, именно основанные на неподдельном и не деловом интересе, а ведомые кровной совместимостью, подлинной духовной любовью к человеку им близкому, дорогому. Не было напыщенности, пафоса авторов, шла ответственная работа по строкам писателя, был очень

глубинный, трезвый и даже, что необходимо подчеркнуть академический подход, литературный и критический анализ созданного художником.

И вот заканчивались чтения, и наверху тот загадочный настоящий дом, где жили Шмелёвы, а где-то выше дом Сергеева-Ценского, его доброго знакомого. Надо съездить, подняться.

И поднимается автобус в гору. Выхожу. Орлиная гора. Преодолеваю девяносто ступеней, и мечты сбываются. Вижу обшарканный с белой штукатуркой, с трещиной на фасаде кирпичный заветный дом. Добрался. Несколько лет желание теплилось. С августа, когда мы не приехали на гору, сюда к дому. Робко подхожу к пристанищу. Иван Сергеевич с семьёй жил здесь и это его дом. Отсюда он провожал своего сына Сергея Ивановича в этот НКВД. Мраморная серая доска на белой стене: «В этом доме в 1918-1922 годах, жил и работал русский писатель Иван Сергеевич ШМЕЛЁВ». Вдоль ограды вытянулись смиренно стройные кипарисы. Они помнят ещё его шорох шагов, слёзы семьи Шмелёвых по сыну Серёже. Вот эти дорожки, по которым ступал он, ходил, стучал по балкам. Вот эта, уже новая калитка, кусты барбариса, шиповника, и небольшие кипарисы, сосны и всё это здесь окружает подлинный домик. Вдали к востоку, в сторону Феодосии, вид высоких гор, плато и великолепные лесные ущелья, тянутся далеко-далеко; и берега, заливы всё это, наверняка, он видел, когда спускался вниз, к Бабугану, к балкам у Кастель-горы. Вижу: наверх дорога, усеянная кустарниками, оливами и сосняком, уходит к горам, а эта — в низины, крутая,

к подножью моря. Чуть поодаль гранитный, серо-чёрный камень. Читаю: «Здесь будет сооружена часовня примирения, покаяния, памяти жертв, погибших в гражданских братоубийственных войнах. Камень освящён в день двадцатилетия со дня рождения великого русского писателя Ивана Сергеевича Шмелёва 21 сентября 1993 года». Камень расположился со крестом на нём, у молоденьких дубков. Как можно примириться? Надо сперва покаяться, надо сперва обрести себя. Вы меня извините, но чтобы вернуть Россию, ту о которой писал Иван Сергеевич в своих замечательных работах, нам всё-таки надо поверить, что мы плоды России той. Мы все, конечно, из шинели советской. Но просто уму непостижимо, когда смотришь на эти берега, ходишь по этим горам, даже не веришь, что всё это было когда-то захлёстано, схвачено этим периодом, «гражданской» войной, убиением русского народа.

Стоит белый и уже треснувший дом совершенно одинокий, и ненужный никому на Крымской горе под кипарисами и старым кедром. Может быть, этот кедр, который я вижу у беседки напротив крыльца дома, обнимал ещё Иван Сергеевич Шмелёв; уж точно обнимал и плакал у него, горюя о России, горюя о своём потерянном сыне. Вот здесь он читал письма Луначарского, который врал ему нещадно, что не мог ему сказать правду, той правды, которую знал, что они сделали с Сергеем Ивановичем Шмелёвым. И я печалюсь и плачу по его трагедии, по тем временам и по тем годам. И выставляю всегда постоянно это на вид. Убиение нашего народа. Как с нами большевики

поступили. Потому печаль и тоска меня охватывает, по ушедшему родному, и сердце моё бьётся ещё громче и готово выскочить птицей из этой груди, и останавливается от ноши, от того, что нам пришлось пережить. До свидания, дорогой покосившийся дом. Ты несёшь ещё на себе следы и дух нашего русского поэта. До свидания, до скорой встречи, а, может быть, и не скорой. Помолчим. Вот сижу на бордюрике, у сухой листвы, у калитки Ивана Сергеевича Шмелёва, созерцаю дали необъятные, синие. Отсюда Шмелёвы уехали в Москву. Потом он добился выезда, разрешения выехать в зарубежье. И они на Рижском вокзале вступили в предназначенный нелепой судьбой, на подножку поезда и, навсегда, казалось бы, покинули Россию.

... Сады миндальные видели, деревья их слушали: «тук, тук»; но молчат.

Спускаюсь вниз, к дому архитектора Бекетова. Сегодня заключительные чтения. Много было рассказано, а я как на лекциях в университете все записывал, снимал, и полностью был поглощён Шмелёвым и выступающими педагогами, специалистами. Мне показалось, что маловато было писателей, почти никого. А надо бы, ведь о самом русском идёт речь. Вечером уже стихли стрижи, взошли ясные звёзды. И в зале выступали красивые люди под гитару, женщина в бриллиантах великолепно пела, она, светловолосая красавица в роскошном вечернем платье, исполняла под единоклубные овации романсы на стихи Николая Туроверова, Есенина, Бальмонта. Звучали лучшие песни русских эмигрантов про-

шлого века. И столько струилось в них грусти и печали по родному дому, языку, по чистым чувствам русского, любящего сердца, что поток нескончаемых Bravo! — разносился и в сад, сквозь открытый балкон с изящной кованой решёткой и розами, и всем было понятно, собрались русские люди на свой праздник памяти соотечественника. И, возможно, бессмертный дух Ивана Сергеевича Шмелёва в эти дни обязательно присутствовал с нами в залах на заседаниях, и в этот редкостный вечер он сам, в светлом чесучовом костюме, незаметно, незримо Ангелом стоял у большой иконы Христа, у рояля, и скромно смирялся невидимый и точно радовался памяти к его неувядаемому наследию.

Народные сокровища, дарованные нам Шмелёвым, неуходящие, бездонны, бесценные и недооценены до сих пор. Шмелёв — писатель безграничный как сама вечность. Мне сперва казалось: а что же ещё можно добавить, сказать неизвестное, неординарное о его творчестве, о наследии, когда всё сказано?! Двадцать два чтения, две ассамблеи, от И. Ильина (в переписках, предисловиях) до О.Н. Михайлова с его комментариями, очерками, от Н.М. Солнцева до профессоров В.И. Кошелева, И. А. Есаулова, казалось, исчерпан колодец и нет слов. Так нет же, — счастье! — он многогранен и необъятен, и как считают ведущие профессора филологии, фундаментально изучающие труды писателя, — Шмелёв безграничен словно подземный, глубокий родник, питающийся из истоков и подземных чистых, студёных рек самой русской земли, он постоянен и полноводен. И рождает новые перспективы;

темы приходят, они есть, они множатся. Сад Шмелёва многоплоден и прекрасен, ему удалось вырастить и оставить свой остаток рая на грешной земле с верными тропами в Царствие небесное. Он привратник Его, может, Царствия самого...

«... В соборе полутемно; только в узенькие оконца верха светят полоски солнца и вспыхивают в них крыльями голубки. Кажется мне, что там небо, а здесь земля. В тёмных рядах иконостаса проблёскивают искры, светятся золотые венчики. По стенам — древние святые, со строгими ликами. На клиросе вычитывают часы, чистый молодой голос сливается с пением у мощей:

Преподо-бный отче Се-ргие...

Моли Бога о на-ас!...

Под сенью из серебра, на четырёх подпорках, похожих на часовню, теплятся разноцветные лампы-звёзды над ракой преподобного Сергия. Пригробный иеромонах стоит недвижимо — строго, как и вчера. Непрестанно поют молебны. Горкин просит монаха положить на мощи образочки и крестики. Жёлтые огоньки от свечек играют на серебре и золоте. Отец берёт меня на руки. Я рассматриваю лампы на золотых цепях, большие и поменьше, уходящие в глубину, под сень. На поднятой створе раки, из серебра, я вижу образ угодника: преподобный благословляет нас. Прикладывается народ: входит в серебряные засторонки, поднимается по ступенькам, склоняется над ракой. И непрестанно поют-поют:

Преподо-бный отче Се-ргие...

Моли Бога о на-ас!...

Поет и отец, и я напеваю внутренним голосом, в себе. Слышится позади:

— Пустите... болящего пустите!...

...Спрашивает: — как имя? Старуха кричит, в слезах:

— Михайлой, батюшка... Михайлой! ...помолись за сыночка... батюшка преподобный!..

Иеромонах говорит знакомую молитву, — Горкин меня учил: «...скорое свыше покажи посещение... страждущему рабу Михаилу, с верою притекающему...»

Горкин горячо молится. Молюсь и я. Старушка плачет:

— Родимый наш...прибега и скорая помога...помоли Господа!

Иеромонах смотрит в гроб неподобного и скорбным, зовущим голосом молится:

«...и воздвигни его во еже пети Тя...»

Болящего поднимают над ракой, поворачивают лицом, прикладывают. Иеромонах берёт розовый «воздух», возлагает на голову болящего и трижды крестит...».

*Октябрь 2015г.,
Екатеринодарь*

